

юдейський, еллінський, кельт-іберійський. Виділяється простір реальний та казково-фантастичний (острів Філе, абстрактний простір снів та візій).

Наталена Королева використовує традиційну для міфологій народів світу віру в те, що власне водний простір розділяє земне і потойбічне існування. Н. Лисюк зазначає: «Особливу небезпеку становила вода в нічний час. Проте вона уявлялась амбівалентною і могла водночас бути чудодійною і магічною (особливо в сакральні часові проміжки – на світанку, на свята, у Великий четвер або п'ятницю) сприятливою для зцілення, омолодження, воскресіння, другого народження» [5, с. 132]. Яскравим прикладом цього є смерть і воскресіння Понтія Пілата у бурхливих водах річки.

Таким чином, у романі «Quid est Veritas?» використання різних часових пластів, поєднаних в єдиний потік, ускладненість хронотопу зумовлені специфікою жанру, творчим задумом авторки і культурно-історичною строкатістю життєвого матеріалу, взятого для зображення.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике (1937/1938) // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – 502 с.
2. Гос Г. К вопросу о сущности и функции современной советской исторической прозы // Zeitschrift fur Slawistik. – Band 31. – 1986. – № 8. – P. 351–265.
3. Гуляк А.Б. Становлення українського історичного роману. – К.: ТОВ Міжнародна фінансова агенція, 1997. – 293 с.
4. Копистянська Н. Художній час як категорія порівняльної поетики // Слов'янські літератури: Доповіді на XI Міжнародному з'їзді славистів. – К.: Наукова думка, 1993. – С.184–200.
5. Лисюк Н. Міфологічний хронотоп: Матеріали до курсів «Міфологія», «Міфологія слов'янська і світова». – К.: Український фітосоціологічний центр, 2006. – 200 с.
6. Москаленко В., Рудяков П. Проблема зв'язку часів у сучасному історичному романі південних слов'ян // Слов'янські літератури: Доповіді на XI Міжнародному з'їзді славистів. – К.: Наукова думка, 1993. – С. 200–225.
7. Остащук І. Релігійно-філософський дискурс у романах Наталени Королевої. Автореф. дис... к.філол.н. / Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника. 10.01.01 – українська література. – Івано-Франківськ, 2004. – 20 с.
8. Суровцев Ю. Многозвучный роман-контрапункт // «Новый мир». – № 11. – 1980. – С. 57–61.

SUMMARY

This article attempts to analyze the time-space features in the novel Natalena Koroleva's «Quid est Veritas?» (“What is the truth?”). Proved that time, functioning in work, multi-layered – a historical, legendary, biblical, internal and psychological. In the novel there are several national worlds – the Roman, Jewish, Hellenic, Celtic-Iberian. The plot is divided into two spaces – Judea and Celt-Iberian Tarragona. Different time segments, combined into a single stream, time-space complexity is due to the specifics of the genre, the creative idea Natalena Koroleva's, and cultural-historical variegated life of the material taken for the image.

Марина Нетребя

ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПЕРСУАЗИВНЫХ МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

У даній статті подається розгляд мовного оформлення персуазивності як одного з компонентів модальних модусних категорій (на матеріалі російськомовних газет «2000», «Факти»,

«Комсомольська правда», «Коментарі» за період з 2005 по 2008 рр.). Аналіз приватних значень персуазивності проводиться з урахуванням шкали модальності зі значенням достовірності/недостовірності знання, побудованої Н.І. Большакової.

Особенность текстов современных средств массовой коммуникации состоит в том, что в их смысловой структуре субъективные (модусные) смыслы, идущие от говорящего, преобладают над объективными, предметно-логическими. Это соответствует ожиданиям массового адресата. Он ждет от средств массовой коммуникации не просто информацию о «положении дел» в стране и мире, но и интерпретацию такой информации, оценку ее. Усиление субъективности современных публицистических текстов предопределено теми социально-историческими изменениями в жизни общества, которые произошли в последнее время: прежде всего - освобождением от идеологического давления. Автор текста теперь выступает не как проводник определенной господствующей идеологии, а выражает личностную, авторскую позицию тех или иных событий. Однако основная коммуникативная цель авторов – не просто выразить свою позицию, но и наиболее эффективным способом аргументировать ее, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше читателей, сделать их своими сторонниками, убедить в справедливости собственных оценок.

Субъективная составляющая смысловой структуры публицистического текста представлена несколькими блоками: выражением собственной авторской позиции, оценки сообщаемых фактов, а также многочисленными специальными показателями адресованности публикации.

В данной статье интересным представляется рассмотрение языкового оформления персуазивности как одного из компонентов модальных модусных категорий (на материале русскоязычных газет «2000», «Факты», «Комсомольская правда», «Комментарии» за период с 2005 по 2008 гг.).

Персуазивность – это модусная категория, с помощью которой говорящий квалифицирует сообщаемое с точки зрения его достоверности. Важно подчеркнуть, что речь в данном случае идет не об истинности/ложности как соответствии или несоответствии объективному положению вещей, а о субъективном отношении говорящего к этому свойству информации – его уверенности/неуверенности в достоверности излагаемого.

Персуазивность, соответствующая модальному значению достоверности, обычно рассматривается как разновидность субъективной модальности [5, с.150; 6, с.24]. При этом используются также другие термины: эпистемическая модальность [1, с. 25]; модальность достоверности [8, с.845-849], модальность истинности [3, с.1978]. Данный тип модальности выделяется как самостоятельный в работе В.З. Панфилова [7, с. 39], при этом автор предлагает термин «персуазивная модальность», который использует Т.В. Шмелева [9], а за ней и Н.И. Большакова для анализа модусной категории достоверности [2].

План содержания персуазивности организуется противопоставлением «уверен/не уверен в достоверности излагаемой информации» и указанием степени неуверенности вплоть до уверенности в обратном.

План выражения персуазивности устроен таким образом, что положительное ее значение – отсутствие сомнений в достоверности – не получает специального выражения с помощью каких-либо показателей (выражается имплицитно). Специальные средства вводятся только в случае неуверенности автора, вернее при его желании осведомить об этом своих слушателей. Цель такого оповещения может быть различной: это либо снимает ответственность с говорящего за недостаточно проверенные сведения, либо таким образом достигается эффект синтаксической вежливости, дипломатичности, исключая категоричность изложения своих взглядов и мыслей.

Н.И. Большакова для толкования различных степеней достоверности знания построила шкалу модальности, используя глагол *знать* в его основном значении:

1) уверенность в достоверности знаний: а) категорическая достоверность: *достоверно знаю, что/где ...*; б) простая достоверность: *знаю, что/где ...*;

2) неуверенность в достоверности знаний: а) проблематическая достоверность (сомнение): *высоковероятно, что/где ...*; б) вероятность (предположение): *вероятно знаю, что/где ...*; *маловероятно знаю*;

3) незнание: *не знаю, что/где ...* [2, с. 42-43].

Из данной шкалы видно, что к модальным модусным категориям персуазивности относятся языковые средства, выражающие определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности. В зависимости от оценки говорящим полноты своих знаний об описываемых явлениях содержание высказывания может быть представлено как соответствующее или несоответствующее реальному положению дел в действительности.

Рассмотрим частные значения персуазивности в публицистических текстах. Описание данных значений проводится нами с учетом шкалы модальности со значением достоверности/недостоверности знания, построенной Н.И. Большаковой.

Говоря о **модальности уверенности в достоверности знаний**, необходимо учитывать, что в основе данной разновидности модальности лежит представление говорящего о том, что содержащаяся в его высказывании диктумная информация соответствует действительности.

На основании непосредственного чувственного восприятия, умозаключения или сведений, полученных из авторитетных источников, говорящий утверждает (или отрицает) наличие связей и отношений между предметами и явлениями действительности. Однако необходимо отметить, что в понятие «знание» входит «не собственно истина, а ее субъективный аналог – ощущение субъекта, что пропозиция D является истинной» [4, с.5]. Таким образом, можно говорить о знаниях, которые получает субъект в результате процесса познания объективной действительности.

Модальность оценки знания носит обязательный характер. Любые высказывания в акте речи имеют модусные категории достоверности знания. В том случае, когда говорящий считает, что утверждение или отрицание связи предикатных предметов не нуждаются в обосновании, используется имплицитный способ выражения модальности оценки знания. Данная разновидность

достоверности синтаксически оформляется с помощью повествовательных предложений с глаголами в изъявительном наклонении.

Для настоящего исследования интерес представляют случаи эксплицитного проявления модусных категорий со значением достоверности/недостоверности излагаемого.

В публицистических текстах модусы со значением уверенности предполагают две степени достоверности знания:

- 1) простую достоверность;
- 2) категорическую достоверность.

В случае простой достоверности говорящий считает, что у него есть достаточные основания для утверждения истинности содержания высказывания. Модусы данной степени достоверности знания оформляются при помощи предикатива *очевидно* и модального слова *правда*, употребляющегося в качестве вводного компонента: *Ведь очевидно, что такого рода «прохання» каналам просто трудно было проигнорировать* [2000, 27.01.06] – модус входит в состав односоставного безличного предложения, связь с диктумом подчинительная; *Правда, чиновники утверждают, что никаких проблем в банковской системе не наблюдается* [Ф., 03.10.08] – модальный модификатор находится в главной части сложноподчиненного предложения с изъяснительной придаточной.

В случае категорической достоверности ситуация является прагматически обусловленной, так как возникает тогда, когда требуется разрешить сомнения и подтвердить истинность высказывания в диктуме. Модусы данной степени достоверности знания оформляются при помощи различных модальных модификаторов. Одним из таких модальных модификаторов является глагольный эквивалент пропозитивного отношения *убежден*: *Убежден, тренеру Блохину не меньше чем болельщикам хочется, чтобы его команда побеждала красиво* [2000, 24.02.06] – модальный модификатор оформлен односоставным определенно-личным предложением и образует одну из структурно-смысловых частей многокомпонентной сложной синтаксической конструкции с бессоюзной и подчинительной связью; *Хотя я и убежден, что мотив посещения комнаты был другой, не стал настаивать на своем* [Ф., 14.04.06] – модальная фраза является главной частью сложноподчиненного предложения с изъяснительной придаточной.

Модусы со значением категорической достоверности образуют также модальные слова (*разумеется, конечно, без сомнения, безусловно*), выступающие в функции вводных компонентов. Данные модальные модификаторы могут занимать в высказывании любую позицию и входить в состав различных синтаксических конструкций:

1) простых двусоставных предложений: *Без сомнения, одна из причин невозмутимого спокойствия украинского общества – его плохая осведомленность в вопросе строительства ядерного мусорника в центре страны* [2000, 27.01.06];

2) односоставных безличных предложений: *Конечно, можно и не обращать особого внимания на воззвание бойцов АНК, приведенное в начале нашего рассказа* [Коммент., 12.09.06];

3) простых предложений в составе сложносочиненных предложений: *Безусловно, хранившиеся целую зиму яблоки потеряли часть витаминов, но это не повод переходить на таблетки* [КП, 24.02.03];

4) главных частей сложноподчиненных предложений с различными по значению придаточными: *Разумеется, нужно провести только пробный забой поросят, чтобы проанализировать их мясо на содержание диоксина* [2000, 10.02.06] – к главной части сложноподчиненного предложения с модальным словом в ее составе относится придаточная со значением цели;

5) простых предложений в составе многокомпонентной сложной синтаксической конструкции: *Способ, безусловно, рискованный, но в мире существует немало «официальных» профессий, где возможность получить солидную прибыль напрямую связана с вероятностью лишиться жизни* [2000, 24.02.06] – модальный модификатор находится в первой структурно-смысловой части многокомпонентной сложной синтаксической конструкции с сочинительной и подчинительной связью.

В публицистических текстах **модусы со значением неуверенности** также предполагают две степени достоверности знания:

- 1) проблематическую достоверность (сомнение);
- 2) вероятность (предположение).

Сомневаясь, автор считает, что его знания о действительности недостаточны для утверждения истинности диктумной информации. Подобная ситуация возникает в условиях неполного знания. Данная модальность накладывается на основную модальность предложения, усиливая гипотетическое значение ирреальности, выраженное сослагательным наклонением, или нейтрализуя модальность действительности, выраженную изъявительным наклонением.

Для языкового выражения модусной категории со значением сомнения используется глагол *казаться* в составе различных синтаксических конструкций, одновременно являющийся показателем авторизации: *Мне кажется, украинские активы могут представлять интерес (да и то, как я уже сказал, сугубо теоретический) только для России* [Коммент., 03.10.08] – модус со значением сомнения оформляется как безличное предложение в составе сложного бессоюзного предложения.

В оформлении модусов со значением сомнения участвуют также модальные частицы *вряд ли, едва ли*: *Однако, в отличие от «горбатого», «ушастого» можно считать едва ли не единственной целиком советской машиной без копирования зарубежных технических решений* [КП, 14.04.06] – модальный модификатор входит в состав односоставного безличного предложения; *Рынок нерекламного и нерепортажного фото в Украине крайне слаб, однако без деятельности таких вот галерей он вряд ли сможет сформироваться* [Коммент., 03.10.08] – модальный модификатор употреблен в одной из составляющих сложносочиненного предложения;

Модусная категория предположения базируется на неполном знании говорящего о действительности и содержит оценку говорящим вероятности события, выраженного в диктумной части высказывания.

В языковом оформлении модусной категории со значением предположения участвуют следующие средства:

1) предикатив *вероятно*: *С другой стороны, вполне **вероятно**, что вирус ослабевает* [2000, 02.02.06] – модус оформлен односоставным безличным предложением, при котором диктум занимает позицию изъяснительной придаточной; *Вполне **вероятно**, вскоре и сам Дыминский вернется в круг любимчиков Виктора Ющенко, из которого выпал в 2004 году* [Коммент., 03.10.08] – модус представляет собой первую структурно-смысловую часть многокомпонентной сложной синтаксической конструкции с бессоюзной и подчинительной связью, выраженной односоставным безличным предложением, связь с диктумом бессоюзная;

2) модальные модификаторы, к которым относятся модальные слова, функционирующие, как правило, в качестве вводных элементов высказывания. Они могут занимать в нем любую позицию и представляют собой модусные структуры. Однако среди модальных слов необходимо различать те, которые имеют значение ‘вероятно знаю’, и употребляющиеся со значением ‘маловероятно знаю’.

Модальные слова со значением ‘вероятно знаю’ (*видимо, очевидно, похоже, видно, наверное*) могут входить в состав различных синтаксических конструкций: ***Видимо**, пришло время нового этапа спецоперации* [2000, 03.09.03]; ***Очевидно**, именно так кто-то понимает патриотизм* [2000, 24.02.06] – в приведенных примерах модальный модификатор находится в составе простых двусоставных предложений, последнее из которых осложнено однородными сказуемыми.

В односоставных предложениях также может употребляться модальный модификатор. По форме сказуемого односоставные предложения представлены безличными предложениями: ***Похуже**, американцам надоело плестись в хвосте у европейцев и японцев – признанных лидеров в области высоких автомобильных технологий* [Ф, 14.04.06]; ***Очевидно**, так вечно продолжаться не могло* [2000, 27.01.06]

или неопределенно-личными предложениями: ***Похуже**, у Януковича попробуют отобрать не только территориальные сферы влияния, но и идеологические постулаты* [Коммент., 03.10.08].

Модальные слова со значением ‘вероятно знаю’ могут организовывать главные части сложноподчиненных предложений: *Иран, **видимо**, решил, что это делает США уязвимым, и начал боевые действия против американской валюты.* [КП, 24.03.06]; *Как голосовать, **наверное**, уже знаете* [КП, 24.03.06] – в данных примерах модальный модификатор находится в главной части сложноподчиненного предложения с изъяснительной придаточной.

К главной части сложноподчиненного предложения, в которой находится модальное слово, может относиться подчинительно-присоединительная придаточная или придаточная со значением причины: ***Наверное**, они просто превзошли шведов, испанцев и бразильцев в прочности командного духа, что наиболее отчетливо проявилось в финальном матче* [2000, 24.02.06]; ***Наверное**, с этим и*

связана его поездка в США, потому что в настоящее время американские хирурги усиленно ищут людей, подходящих для операций [2000, 09.02.06].

В анализируемых текстах встречаются случаи употребления модальных слов со значением 'вероятно знаю' в составляющих многокомпонентных сложных синтаксических конструкций: *Беглец, видимо, не знал, что в том месте проходит фарватер реки и она практически не замерзает* [КП, 25.01.06] - модальный модификатор находится в первой структурно-смысловой части многокомпонентной сложной синтаксической конструкции с подчинительной и сочинительной связью.

В составе различных синтаксических конструкций употребляются и модальные слова со значением 'маловероятно знаю' (*может быть, возможно, вероятно, по всей вероятности, может*). Это могут быть и простые двусоставные предложения, осложненные или неосложненные какими-либо элементами: *Может быть, выиграло государство?* [КП, 25.01.06]; *Возможно, на Землю были посланы магнитные матрицы животных, птиц* [Коммент., 14.10.04] - простое двусоставное предложение с модальным модификатором осложнено однородными дополнениями;

Модальные слова со значением 'маловероятно знаю' могут находиться в составляющих сложносочиненных предложений или многокомпонентных сложных синтаксических конструкций: *Пишите нам, и, возможно, именно вас пригласят на кастинг* [КП, 16.12.05]; *Возможно, у Президента остался последний шанс пожать «мускулистую руку рабочего класса», и если этого не произойдет, эту руку пожмут его оппоненты* [2000, 26.03.06] – модальный модификатор находится в первой структурно-смысловой части многокомпонентной сложной синтаксической конструкции с сочинительной и подчинительной связью.

Главные части сложноподчиненных предложений также могут иметь в своем составе модальные слова со значением 'маловероятно знаю': *Возможно, приобретенные им знания и помогли ему сделать такой карьерный прыжок во второе по значению кресло Киева, которым (может, не случайно?) стало кресло в кабинете Александра Омельченко* [Коммент., 06.05.06] – к главной части сложноподчиненного предложения, в которой находится модальное слово, относится определительная придаточная; *Ему, по всей вероятности, и самому не было ясно, насколько шокирующие и опасные для министерства обороны снимки он разместил на своем сайте* [2000, 24.02.06] – в данном примере модальный модификатор находится в главной части сложноподчиненного предложения с изъяснительной придаточной.

Для образования **модусной категории со значением незнания** в публицистических текстах используется глагол *знать* с отрицательной частицей *не* в составе различных синтаксических конструкций: *Мы ничего не знаем о ходе следствия и его результатах* [КП, 06.04.06] - модальный модификатор входит в состав простого двусоставного предложения; *Не знал, как сказать о браке Годоровскому* [2000, 24.02.06] - модус образует главное предложение, диктум – придаточное изъяснительное в составе сложноподчиненного предложения; *Не знаю, как кому, но мне ситуация, возникшая в связи с претензией Юлии Тимошенко обязательно быть премьером, кажется довольно*

странной [КП, 20.04.06] - модус образует главное предложение, диктум – придаточное изъяснительное в составе первой структурно-смысловой части многокомпонентной сложной синтаксической конструкции с подчинительной и сочинительной связью.

Анализ языкового оформления персуазивных модусных категорий в современных публицистических текстах позволяет сделать следующие выводы:

Таким образом, в публицистических текстах частные значения персуазивности передаются с помощью различных модальных модификаторов.

1. Модусы со значением уверенности в достоверности знаний оформляются при помощи предикатива *очевидно*, глагольного эквивалента *убежден*, модальных слов *правда*, *разумеется*, *конечно*, *без сомнения*, *безусловно*. Данные модальные модификаторы входят в состав различных синтаксических конструкций: простых двусоставных предложений; односоставных безличных предложений; простых предложений в составе сложносочиненных предложений; главных частей сложноподчиненных предложений. Связь с диктумной частью осуществляется с помощью союзов *что*, *чтобы*, *когда*; простых предложений в составе многокомпонентных сложных синтаксических конструкций. Связь между модусом и диктумом сочинительная или бессоюзная.

2. Значение неуверенности в достоверности знаний выражается с помощью глагола *казаться*, предикатива *вероятно*, модальных слов *видимо*, *очевидно*, *похоже*, *видно*, *наверное*, *может быть*, *возможно*, *вероятно*, *по всей вероятности*, *может*, модальных частиц *вряд ли*, *едва ли*. Модусы с данными модификаторами могут быть оформлены как: простые двусоставные предложения; односоставные безличные предложения; односоставные неопределенно-личные предложения; простые предложения в составе сложносочиненных предложений; главные части сложноподчиненных предложений. Связь с диктумной частью осуществляется с помощью союзов *что*, *чтобы*, *как*, *потому что*, *ли* и союзных слов *что*, *который*, *насколько*; простые предложения в составе бессоюзных сложных предложений; простые предложения в составе многокомпонентных сложных синтаксических конструкций. Связь между модусом и диктумом сочинительная, подчинительная или бессоюзная.

3. Для образования модусной категории со значением незнания используется глагол *знать* с отрицательной частицей *не* в составе различных синтаксических конструкций: простых двусоставных предложений; главных частей сложноподчиненных предложений. Связь с диктумной частью осуществляется с помощью союза *что*; простых предложений в составе многокомпонентных сложных синтаксических конструкций. Связь между модусом и диктумом подчинительная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева 1985 - Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 180 с.
2. Большакова 1993 - Большакова Н.И. Языковое оформление модусных категорий (на материале переписки М. Цветаевой и Б. Пастернака): Дис. ... канд. филол. наук. – К., 1993. – 235 с.

3. Грeпл 1978 - Грeпл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. 1956-1974 гг.: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1978. – С. 57-69.
4. Зализняк 1986 - Зализняк А.А. «Знание» и «мнение» в семантике предикатов внутреннего состояния // Коммуникативные аспекты исследования языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1986. – С. 3-9.
5. Золотова 1973 - Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
6. Королева 1989 - Королева Т.М. Интонация модальности в звучащей речи. – Одесса: Высшая школа, 1989. – 147 с.
7. Панфилов 1977 - Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. - № 4. – С. 28-44.
8. Русская грамматика 1979 - Русская грамматика: Т. 2. Синтаксис. – Praha Academia, 1979. – 879 с.
9. Шмелева 1988 - Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. – С. 168-202.

SUMMARY

This article focuses on linguistic persuasiveness as a component of modal modus categories (based on Russian-language newspaper "2000", "Facts", "Komsomolskaya Pravda", "Comments" for the period from 2005 to 2008.). Analysis of individual values persuasiveness is conducted with the scale of the modality with the value of the reliability / unreliability of knowledge built by N.I. Bolshakova.

Агата Островская-Кнапик

ПОЛЬСКИЕ, ЧЕШСКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ГЛАГОЛОМ «СКАКАТЬ»

У статті розглядаються фразеологізми та крилаті вислови з дієсловом "скакати" у зіставному аспекті на матеріалі слов'янських мов (польської, чеської та російської). Відзначаються випадки повного тотожності, часткового та повного розрізнення у застосуванні цього роду мовних одиниць. Особлива увага приділяється фразеологізмам, котрі мають змогу стати приводом перекладацьких помилок.

Польский и чешский языки относятся к группе западнославянских языков, в то время как русский язык – к группе восточнославянских языков. Обе группы, вместе с группой южнославянских языков, формируют семью славянских языков, которые имеют общего предка – праславянский язык. Все они характеризуются значительными сходствами в склонении слов, словообразовании, лексической и фразеологической базе.

Фразеологические обороты – это устойчивые словосочетания, характеризующиеся символическим значением. Фразеологизмы придают каждому языку образность, создавая соответствующее представление у адресата. Часть фразеологических оборотов имеет международный характер – одинаковые или подобные с формальной точки зрения фразеологизмы присутствуют в различных языках, что обусловлено универсальным характером явлений, которых они касаются, или близким родством между языками. В то же время часть фразеологизмов используется только в одном языке, потому что описывает исключительные, отсутствующие в других языках ассоциации людей, использующих данный язык. В таком случае аналог фразеологизма в другом языке либо будет нефразеологическим, либо же будет фразеологическим, но описывающим данное явление при помощи иных средств.